

ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ

С. А. Песина

Магнитогорский государственный университет

Поступила в редакцию 25 августа 2013 г.

Аннотация: *предложенное в статье понятие лексического эйдоса как совокупность наиболее существенных универсальных семантических компонентов, которые определяются интуитивно в ходе феноменологической редукции, составляют семантическую формулу слова, управляя процессом актуализации значений. Он может быть дешифрован как универсальный конструкт, посредством которого становится возможным понимание бытийных сущностей, с помощью которых человек видит, понимает и говорит.*

Ключевые слова: *аналитическая философия, феноменология, язык, лексический эйдос, слово, значение, феноменологическая редукция.*

Abstract: *proposed in the paper the concept of Lexical Eidos, as a set of the most essential semantic components, as a model or formula of a word, controls the process of the words use and forms the basis of the concepts formation. Lexical Eidos can be decrypted as a universal construct, by which it becomes possible to grasp the existential essence of a word with the help of which a person perceives and speaks.*

Key words: *analytic philosophy, phenomenology, language, Lexical Eidos, word, meaning, phenomenological reduction.*

На современном этапе развития исследований в области философии языка можно выделить два основных направления – в рамках аналитической традиции и в рамках феноменологии. Исследования в области аналитической философии предполагают определенный стиль философского мышления, ориентированный на идеалы ясности, точности и логической строгости мышления, а также его языкового выражения, достижимые путем применения методов формальной логики, анализа языка с прояснением его глубинных логических структур и привлечением результатов естественных наук. Внимание феноменологов обращено к беспредпосылочному описанию опыта познающего сознания и выделению в нем сущностных черт, а также к первичному опыту, у Э. Гуссерля – к опыту познающего сознания, где сознание понимается не как эмпирический предмет изучения психологии, а как «трансцендентальное Я» и «чистое смыслообразование» (интенциональность).

В связи с этим важным становится выявление характеристики так называемого «чистого сознания», «чистой субъективности», определяющих все возможные формы жизненного мира, а следовательно, и формы научно-практической деятельности человека. При этом сознание вы-

полняет двойную функцию: оно является одновременно и предметом, и средством аналитической деятельности.

Справедливости ради отметим, что исследовать сознание посредством его же самого – задача увлекательная, однако трудновыполнимая. Ведь само по себе чистое сознание – это фикция: «идеация» возможна только на основе реально существующего человеческого сознания. Иными словами, поскольку необходимо поместить себя одновременно в положение объекта исследования, направленного на изучение внутреннего мира человека, и в положение субъекта, изучающего этот мир, природа языка, очевидно, никогда не будет понята до конца.

Поскольку феноменологов интересует прежде всего чистое сознание и трансцендентальная субъектность, то вполне логично, что говорящий человек ими почти не исследуется: в трансцендентальной феноменологии естественный язык так и не приобрел статуса самостоятельного объекта изучения, так как в основе феноменологических исследований лежит логика, содержание которой покоится на трансцендентальной субъективности, а она не нуждается в языке. В действительности же философскому мышлению присуща не только систематичность, но и глубокое проникновение в естественный язык, посредством которого осуществляется познание окружающего мира [1; 2].

В качестве аподикритической основы знания Э. Гуссерль предложил свое учение об эйдосах, идеальных сущностях как предметной теоретической области логики, математики и других дедуктивных наук. Еще Демокрит говорил, что ощущения и мысли возникают вследствие проникновения в наши души образов («эйдосов»), исходящих от предметов. Это предполагало признание чисто рецептивной концепции познания и отрицание способности субъекта к активному взаимодействию с познаваемым объектом. Эйдос Платона есть полное содержание мыслимого, облеченное в определенные логические формы. Подобное скрепляющее предметное начало эйдетического содержания является формообразующим началом в целом.

По мнению Гуссерля, «сама по себе» наука о чистых возможностях предшествует науке о действительностях, и именно это делает ее возможной как науку. Так, мы достигаем методического усмотрения, согласно которому, наряду с феноменологической редукцией, эйдетическая интуиция является основной формой всех особых трансцендентальных методов, и вместе они определяют подлинный смысл трансцендентальной феноменологии [3].

Учение Гуссерля об эйдосах содержит эйдетический анализ, который заключается в исследовании феноменов в целях отыскания типических структур или сущностей (эйдосов), а также значимых связей между ними. Смысловое истолкование в феноменологии осуществляется на основе метода интенционального анализа сознания, который непосредственно связан с методом созерцания сущности и с эйдетическим анализом. Это специфическая деятельность, предполагающая прояснение и интерпретацию сознанием предметного смысла. Субъективные реальности (смыс-

лы) интенциональны, вследствие чего исследователь вместо ограниченного числа опредмеченных идеальных конструкций должен иметь дело с неограниченным горизонтом опредмеченных смыслов.

Гуссерль под эйдосом понимает сущность объекта, но не в традиционном философском смысле, а как «инвариант чувственно воспринимаемой вещи, который остается неизменным в потоке вариаций и непосредственно постигается, “усматривается” феноменологической интуицией (Wessensschau)». Основанное на эйдосах, описание языка будет эйдетической, фиксирующей формы значения, необходимые для языка вообще. Любой конкретный язык предстает по отношению к описанному таким образом идеальному языку как его реализация [3].

Эйдос каждой вещи – это ее неделимое единое существо, не имеющее частей. Он не является ни предметом, ни вещью, наряду с другими вещами и предметами. При этом, будучи внефакторным, понятие эйдоса может быть применено к любым вещам и фактам из любой области. А. Ф. Лосев относит эйдос к сфере предметного видения, созерцания. Схватывается эйдос единым актом «узрения». В лосевской концепции эйдос – это и не явление, и не смысл, но соединение того и другого в одно сплошное и органическое бытие. Эйдетическое бытие – это та символическая и мифологическая действительность, которая состоит из символов или из групп этих символов. Из смысловой организации эйдоса вытекает природа особого рода, подобие «причастности» [4].

Анализируя данный род подобия, обратим внимание, что эйдос, будучи идеальным феноменом, «не-вещественным» по своему внутреннему устройству, напрямую связан с миром предметных вещей как своим происхождением, так и функциональным назначением, ибо служит образцом для конструирования новых вещей. Сущность эйдоса – в его ориентации на предмет, на вещь, с его помощью возможно увидеть, познать суть предмета.

За эйдосом может стоять эйдический образ как «gestalt», который выполняет служебную роль в процедуре созидания: обеспечивает сохранение своих базовых признаков в создаваемой новой вещи. Эйдический образец и создаваемая вещь соединены узами сопричастия: идея образа материализуется в акте сотворения новой конструкции. Эйдический образ – это не только зримый соучастник такого акта, но и претворенный, сохраняющий свое присутствие в структуре вещи. Именно таков смысл сопричастности друг другу образа и вещи. Вместе с тем смысл понятия «эйдический образец» необходимо отличать от понятия «образ» вещи.

Мы понимаем лексический эйдос (далее – ЛЭ) как совокупность наиболее существенных универсальных семантических компонентов, которые определяются интуитивно в ходе феноменологической редукции и остаются неизменными в потоке вариаций значений, составляя семантическую формулу слова или выражения; содержание лексического эйдоса выявляется на уровне научного и логического сознания. Включая признак «лексический», мы подчеркиваем языковую сущность данного

феномена и указываем, что ниже речь пойдет об анализе конкретного речевого материала [5; 6].

В лингвистических терминах ЛЭ можно интерпретировать как инвариантный ассоциативно-смысловой комплекс, закрепленный за словом в сознании коммуникантов, формирующийся не только на основе семантической структуры слова, грамматической оформленности, словообразовательной структуры, мотивационных связей, но и имеющейся в обществе традиции употребления. Однако в процессе феноменологической редукции происходит абстрагирование от грамматических, прагматических и морфологических связей.

ЛЭ представляет бесконечное в конечном, что и позволяет индивиду находить точку опоры в своем феноменальном слое сознания. ЛЭ следует осмыслять как пример некой чистой возможности. По словам Э. Гуссерля, «эйдос сам есть данное в созерцании или доступное созерцанию всеобщее – чистое, безусловное, а именно, подобно собственному интуитивному смыслу, всеобщее, не обусловленное никаким фактом. Он предшествует всем сущностям, понимаемым как значения слов; напротив как чистые понятия, они сами должны формулироваться в соответствии с эйдосом» [7, с. 154].

Концептуальной базой для образования ЛЭ являются контекстуальные актуализации входящих в слово значений. В ЛЭ заложена программа для всех (или почти всех) частных значений слова, и, наоборот, в любом варианте есть намек на модель, которая управляет процессом использования переносных значений. ЛЭ имеет не декларативную, а динамическую, точнее, процедурную природу: процесс актуализации говорящим значений представляется как последовательная «сборка» более сложных структур на основе интегральных и дифференциальных компонентов главного значения и ЛЭ.

Мы понимаем слова, исходя из практической надобности, уровня владения языком, общего интеллектуального уровня, сформированной картины мира. Поэтому зачастую нет необходимости досконально усваивать все значения и возможные смыслы или употребления того или иного слова: когда мы используем то или иное слово, в сознании не возникает его актуализация во всем объеме, т.е. все возможные значения и смысловые оттенки. Наше сознание, сопровождающееся декодированием контекстуальных значений, в процессе восприятия может опираться в том числе на ЛЭ как на обобщенный семантический инвариант слова. Еще Л. Витгенштейн писал, что, «когда мне говорят слово *куб*, я знаю, что оно означает. Но разве при этом, когда я понимаю слово, в моем сознании возникает ли его употребление во всем объеме?» [8, с. 134]. Отсюда следует, что соотнесение слова со всеми возможными контекстами – это не самый продуктивный способ освоения языка, особенно иностранного. Этот процесс можно значительно облегчить, освоив формулу слова или его ЛЭ. С другой стороны, ЛЭ можно усмотреть интроспективно, изучая употребления и опираясь на анализ структуры многозначного слова. По нашему мнению, системное значение много-

значного слова языкового коллектива связано с инвариантом всех актуальных значений, т.е. с ЛЭ.

Далее важно определить роль ЛЭ в ситуациях протекания речемыслительного процесса. В ходе актуализации слов системные значения их форм (ЛЭ) приходят во взаимодействие с системными значениями форм других слов. При восприятии формы в сознании возникает, по коду, образ системного содержания формы, равный ЛЭ. Затем с учетом речевого контекста формируется необходимый смысл высказывания, во время которого сознанием выводится переносное значение на основе ЛЭ. Как было неоднократно заявлено выше, абстракция (эйдос) формируется на основе многочисленных речевых актуализаций главного и переносных значений. Многозначное слово также формируется вокруг подобного семантического и одновременно концептуального ядра, от которого, наиболее вероятно, образуются произвольные значения при минимальных когнитивных усилиях. Наши исследования показывают, что чем больше значений у слова, тем беднее его лексический эйдос [6; 9].

Методы осуществления эйдетического анализа

Примеры эйдетического анализа, приводимые Э. Гуссерлем, достаточно просты. Он пишет, что при восприятии дерева, отвлекаясь от его индивидуальных характеристик и варьируя в воображении те его свойства, при которых дерево все еще будет оставаться деревом, можно выразить то инвариантное содержание, тот «первообраз дерева», который является его сущностью, «эйдосом». Развивая далее фантазию и варьируя в воображении полученный эйдос дерева, можно прийти к более общему эйдосу – эйдосу растения как такового. Пределом же прогрессивной идеации является региональная область бытия, к которой относится тот или иной рассматриваемый предмет. Далее и эта область подвергается редукции, и остается сама «направленность» сознания, или интенция.

Подобные сущности вычленяются посредством метода свободного варьирования свойств предметов в воображении. Например, описывается тот или иной объект, а затем описание изменяется: добавляется или убирается один из предикатов, содержащихся в описании. Эта операция повторяется в отношении всех характеристик предмета, что дает возможность понять, изменится ли при этом объект или останется таким же. Если изменение предиката ведет к изменению объекта, то в этом случае речь идет о его существенной характеристике. Подобное мыслительное варьирование свойств объекта помогает обнаружить необходимые и неизменные его черты, которые образуют сущность (эйдос) предмета.

Таким образом, в процессе эйдетического анализа необходимо последовательно «вынести за скобки» все предикаты, которыми наделяются объекты созерцания. В то же время в дескрипцию следует включить в качестве предмета описания сами смыслополагающие акты сознания, редуцируя их к чистой трансцендентальной деятельности, в которой они становятся осмысленными.

Суть феноменологического прояснения содержания языковых актов в дескриптивном описании состоит в том, что посредством ноэтического

анализа из этих содержаний вытесняются смысловые случайности, проясняются механизмы ассоциативных сцеплений смысла. Ассоциативные смыслы можно понимать как смыслы, схваченные в новой связи.

Как можно видеть из очень немногочисленных попыток осуществить эйдетический анализ до конца (строго говоря, их почти никто не предпринимал), феноменологический эйдетический анализ проводится на материале и с учетом только одного первого значения, и фактически не берется во внимание многозначность, она практически выводится за скобки.

Представленная ниже попытка определения ЛЭ будет предполагать учет, помимо первого значения, и остальных переосмысленных значений данного многозначного слова. Лексический эйдос, по нашему мнению, должен включать базовые компоненты общего характера и остальных входящих в слово значений, являясь абстракцией, обозначающей «нечто вообще». В процессе анализа выносятся за скобки все признаки частного характера, редуцируясь до чистой абстракции, но с той лишь разницей (по сравнению с традиционным эйдетическим анализом), что проводится он с учетом всех входящих в лексему значений. Это дает знание не только о том, что представляет собой одно значение в чистом виде, но и позволяет получить эйдетическую (чистую) формулу всего слова [10; 11].

Проведение эйдетического анализа

Определитель «лексический» в представленном нами термине «лексический эйдос» как раз и подразумевает, что речь идет, во-первых, о языковом феномене, а во-вторых, о семантике всего слова. Подобный ЛЭ, таким образом, должен быть основой формирования всех значений и включать минимальное, но достаточное количество компонентов, необходимых для идентификации всех лексико-семантических вариантов выбранной для анализа лексемы. В этом смысле ЛЭ предшествует всем конкретным контекстуальным реализациям, понимаемым как значения слов.

И все же главенствующую роль первого главного номинативно-непроизводного и наиболее частотного значения нельзя не учитывать. Такая позиция подкрепляется тем, что носители языка обычно приводят именно первые значения многозначных слов, когда им предъявляют соответствующие графические или звуковые означающие. Однако структура многозначных слов такова, что далеко не все значения образуются от первого. Схема слова может быть не радиальной, а цепочечной или смешанной, когда последующие значения образованы от предыдущих. В этом случае чрезвычайно трудно уловить тот общий смысл, который скрепляет все значения многозначного слова, не позволяя им распасться на омонимы.

Для вывода ЛЭ многозначного слова, который являлся бы чистой сущностью и одновременно охватывал бы все значения, роль первого номинативно-непроизводного значения необходимо расширить с помощью компонента сравнения. Эта следующая ступень обобщения представляет собой, совместно с первым значением, то сущностное семантическое

ядро, равное ЛЭ слова, которое в нашем понимании является семантическим инвариантом всех лексико-семантических вариантов слова.

Чтобы четче обозначить различие между эйдосом Э. Гуссерля и постулируемым в данном исследовании лексическим эйдосом, целесообразно предложить анализ многозначного слова «дерево» на материале русского и английского языков (английские эквиваленты имеют, как правило, более развитую систему переносных значений, поэтому ЛЭ будет представлен более рельефно).

ЛЭ этого слова, включающий как сущностные признаки главного значения, так и абстрактную суть всего слова, может быть сформулирован следующим образом: многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону или что-то, напоминающее дерево, – «система со многими ответвлениями, имеющими общее происхождение». Эйдетические признаки здесь реализованы в таких метафорических значениях, как «компьютерное дерево, генеалогическое древо».

Английское слово «tree», помимо первого, включает еще семь переносных значений (например, «артериальная или венозная кровеносные системы тела животного», «компьютерная система», «родословная», «сеть телефонных номеров» и др.). Если провести редукцию в духе феноменологии и абстрагироваться от специфических и субъективных компонентов, то окажется, что все значения этого многозначного слова, включая первое, основаны на одних и тех же компонентах – а «system, with many branches, in which every branch can be traced to a single origin» (система со многими ответвлениями (выходами), имеющая общее происхождение (один и тот же источник)).

Метафорические переосмысления, входящие в лексему этого слова, являются результатом процессов уподоблений различных объектов дереву. Эти уподобления имеют место вследствие неистинности одной из ситуаций, поскольку сравниваемые объекты неконгруэнтны. Так, в основе метафоры «семейное (родословное) дерево» лежит сходство (по форме) схемы со всеми кривыми, отражающими зависимости, со строением (внешним видом) дерева. Подобно дереву, обладающему единым стволом как основной несущей частью и кроной, состоящей из веток и листьев, родословное дерево представляет собой перенос по сходству схемы того, как устроено дерево: многочисленные части объекта, берущие начало из одной общей для всех исходной части. Это значение основано на следующих ядерных компонентах: «a system» (система), «with many branches» (с многими выходами), «in which every branch can be traced to a single origin» (имеющими общее происхождение).

В основе значения словосочетания «компьютерное дерево (система)» лежит уподобление по форме компьютерной деривационной системы упорядочения информации строению дерева. В той степени, в какой каждая веточка дерева через более толстые начальные ветки связана со стволом дерева и в конечном итоге с корнем, в той же степени и каждый бит информации связан определенным каналом с единым источником.

Семантика этого слова, включающая наиболее существенные признаки, предполагает наличие тех же сем, что и в предыдущем значении: «“a system”, “with many branches”, “in which every branch can be traced to a single origin”» (система со многими выходами, имеющими единое происхождение).

В метафорическом переосмыслении «tree of an animal body» (дословно «дерево тела животного») артериальная или венозная кровеносные системы тела животного как многоканальные ответвления от единого, более крупного сосуда или артерии также уподоблены дереву, т.е. стволу с отходящими от него ветками. Значение основано на тех же абстрактных компонентах «система со многими выходами, имеющими единое происхождение».

Обсуждение результатов анализа

Итак, полученный пучок абстрактных компонентов «a system, with many branches, in which every branch can be traced to a single origin» (система со многими ответвлениями (выходами), имеющих общее (единое) происхождение) можно дополнить формулировкой первого неприводного значения (о его важности говорилось выше): «a tall plant with a wooden trunk and branches, which is unbranched for some distance above the ground» (высокое растение со стволом и ветками, расположенными на некотором расстоянии от земли).

Первое значение также получено нами на основе абстрагирования от несущественных признаков, приведенных в дефинициях более двадцати толковых словарей английского языка (феноменологическая редукция семантики переносных значений также проводилась на материале более двадцати толковых словарей английского языка, но в силу ограниченных возможностей, связанных с объемом работы, приведение полного анализа не представляется возможным). В связи с этим следует заметить, например, что компонент первого значения «расположенными на значительном расстоянии от земли» включен в данную дефиницию, поскольку является смыслоразличительным по отношению, например, к феномену «куст». Данная формулировка содержит только центральные компоненты, необходимые для идентификации этого объекта на уровне среднего носителя языка.

Всемантико-феноменологический анализ вошли и имеющиеся фразеологизмы, например, «to be at the top of the tree» (быть на высоте, дословно – быть на верхушке дерева). Генерирование общего смысла данного фразеологизма происходит на основе образа человека, находящегося на верхушке дерева. Поскольку, исходя из особенностей категоризации человеком окружающей действительности, верх – это всегда хорошо, а низ – плохо, данный образ предполагает следующую интерпретацию: «находясь на вершине дерева или какой-либо структуры, человек занимает видное, выгодное положение». Прямое и переносное значения мотивированы одним и тем же понятием: «верхнее – самое выгодное положение». Результаты анализа показывают, что в основе главного компонента этого фразеологизма лежит первая часть ЛЭ, идентичная первому значению.

Поскольку английское «tree» – это типичное однокомпонентное многозначное слово, то полученный ЛЭ будет равен лексическому прототипу, полученному в результате семантического анализа.

Как можно видеть, полученный ЛЭ лишен каких-либо компонентов субъективного характера. Максимальное абстрагирование от деталей позволило выделить самые существенные компоненты ЛЭ общего характера, фактически покрывающие семантику всех значений слова «tree». Согласно правилу эйдетической редукции, опыт, полученный из реальности случайным образом, должен систематически выводиться за скобки. De facto это имеет место в любом подлинном философствовании, ибо изначально царство понятия, или, как выражался Платон, царство «идей», составляют лишь априорные сущностные структуры реальности.

Можно констатировать, что в процессе семантической редукции, направленной на определение ЛЭ, устанавливаются границы моего собственного Я внутри горизонта в данном случае моего трансцендентального опыта, поэтому роль интроспекции в процессе редукции довольно велика. Посредством абстрагирования освобождается горизонт собственного опыта. Оставляя компоненты только общего характера, мы освобождаем ЛЭ от излишней субъективности, т.е. происходит абстрагирование от того, что придает значениям их специфический смысл. Полученный содержательный слой позволяет нам продолжать наше опытное созерцание. Этот слой в контексте феноменологии замечателен тем, что является сущностно «фундирующим» слоем. В связи с этим следует отметить, что особенность естественного языка с его многозначностью, метафорическими переосмыслениями, скрытыми смыслами, подтекстами представляет для феноменологии значительное препятствие на пути к поиску чистых эйдосов. Трудность заключается в невозможности до конца исчерпать все смысловое богатство оттенков значений и постоянной необходимости выбора наиболее существенных компонентов значений многозначного слова.

Итак, вводя понятие «лексический эйдос», мы основываемся на предположении о том, что каждый трансцендентально-феноменологический анализ можно осуществить и на естественной почве, отказавшись от трансцендентальной установки. ЛЭ формируется как результат многочисленных реализаций контекстных смыслов [12; 13] и формулируется в результате абстрагирования от всего психического и от тех предикатов объективного мира, наличие которых лично обусловлено. Можно полагать, что именно инвариантные значения многозначных слов являются системообразующими единицами, которые демонстрируют незеркальность уровня системы языка относительно уровня речи. Отметим, что к выявлению подобных универсальных единиц системы языка феноменология всегда проявляла интерес.

Литература

1. *Песина С. А.* Интенциональность и значимость языка в феноменологии / С. А. Песина // Исторические, философские, политические и юридические

науки, культурология и искусствоведение. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 2, ч. 1. – С. 151–154.

2. *Песина С. А.* Слово в когнитивном аспекте / С. А. Песина. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 344 с.

3. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Д. В. Скляднева. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 400 с.

4. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 2001.

5. *Песина С. А.* Специфика философского и лингвистического подходов к центральным проблемам языка / С. А. Песина // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер.: Регионоведение : философия, астория, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп : Изд-во АГУ, 2011. – Вып. 4 (88). – С. 13–18.

6. *Песина С. А.* Языковой знак и коммуникативные процессы в философском аспекте / С. А. Песина. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 152 с.

7. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – СПб. : Наука, 2006. – 320 с.

8. *Виттгенштейн Л.* Философские работы : в 2 ч. / Л. Виттгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 612 с.

9. *Песина С. А.* Полисемия в когнитивном аспекте : монография / С. А. Песина. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 350 с.

10. *Песина С. А.* Исследование семантической структуры слова на основе прототипической семантики на материале английских существительных : дис. ... д-ра филол. наук / С. А. Песина. – СПб., 2005. – 384 с.

11. *Песина С. А.* Функционирование слова в процессах мышления и коммуникации / С. А. Песина // Когнитивные исследования языка. – М. : ИЯ РАН ; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. – Вып. VIII : Проблемы языкового сознания. — С. 79–81.

12. *Песина С. А.* Структурирование концепта и концептуальное ядро / С. А. Песина // European Social Science Journal=Европейский журнал социальных наук. – Рига ; М., 2011. – С. 24–31.

13. *Песина С. А.* Инвариант многозначного слова в свете прототипической семантики / С. А. Песина // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – Оренбург, 2005. – Вып. 2 (40). – С. 57–64.

Магнитогорский государственный университет

Песина С. А., доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода

E-mail: flip-dekan@masu.ru

pesin@bk.ru

Тел.: 8(3519) 35-16-69,

8-904-810-08-06

Magnitogorsk State University

Pesina S. A. Doctor of Philological Sciences, Professor, Dean of the Linguistics and Interpretation Faculty

E-mail: flip-dekan@masu.ru

pesin@bk.ru

Тел.: 8(3519) 35-16-69,

8-904-810-08-06